ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Яннигье Хелена Ферхеес

Эвиденциальность как часть видо-временной системы глагола в нахско-дагестанских языках

Резюме диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
М.А. Даниэль

Москва 2019

Содержание

1 **Введение** 2

2 **Глава 1** 7

3 **Глава 2** 9

4 **Глава 3** 14

5 **Литература** 19

1 Введение

Во всех нахско-дагестанских языках есть глагольные формы, подобные английскому Перфекту. Прототипический перфект указывает на совершенное в прошлом действие, которое имеет релевантность для момента речи — свойство, получившее название текущая релевантность (current relevance) [Comrie 1985: 24–25]. Пример (1) показывает употребление Перфекта со значением текущей релевантности в багвалинском языке нахско-дагестанской семьи:

(1) *išːi-r haː-b-saʔatɬːi-r q'ani-r* ***q'ani-b-o ekʼʷa***
мы.EXCL-ERG сей-N-час-ERG есть-MSD есть-N-CVB AUX.PRS
'Мы только сейчас **покушали** (букв. еду съели).'
[Tatevosov 2007: 359] багвалинский язык

Предложение (1) не просто означает, что событие «поели» имело место в прошлом, но подчеркивает факт завершения этого события (в данном случае недавнего) и наличие у него имплицитных последствий. Такое предложение уместно, например, в контексте, описанном в [Tatevosov 2007], где говорящий X приглашает брата говорящего Y на обед, а говорящий Y отвечает, что его брат вряд ли придет. Высказывание (1) представляет собой объяснение, так так из него следует, что брат еще сыт. Аналогичное предложение, где вместо перфекта использовалось бы простое прошедшее время (в багвалинском: Претерит), означало бы только то, что данное событие произошло.

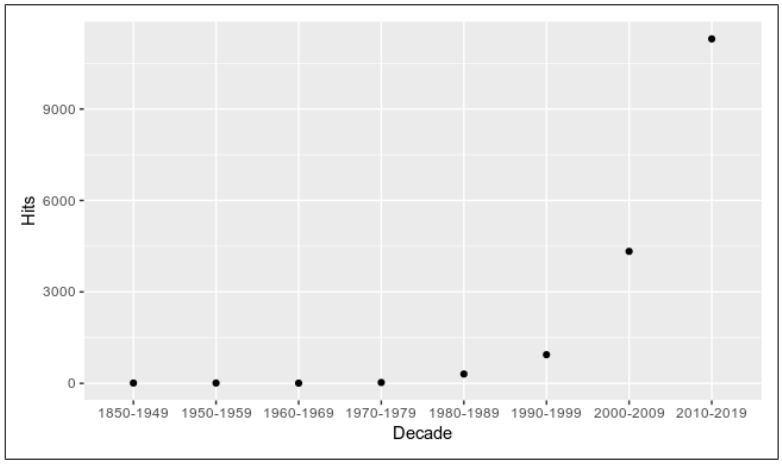
В нахско-дагестанских языках такого рода формы часто приобретают дополнительное значение: говорящий сам не был свидетелем события. Ср. пример (2), также из багвалинского языка [Tatevosov 2007: 360]:

(2) *ʔali-r sũː* ***kʼʷa-b-o ekʼʷa***
Али-ERG медведь убивать-N-CVB AUX.PRS
'Али [, я слышал] **убил** медведя.'
'Али [, я вижу] **убил** медведя.'
[Tatevosov 2007: 360] багвалинский язык

В примере (2) Перфект может маркировать инферентивную (инферентив) или репортативную (репортатив) эведенциальность. Инферентив употребляется в ситуациях, когда говорящий видел какие-то последствия события и из этого делает вывод, что оно имело место. Репортатив отсылает к событиям, о которых говорящий знает со слов другого человека, при этом точный источник информации не раскрывается [Aikhenvald 2004]. Эти два значения, выбор между кото-

рыми обусловлен контекстом, объединяются в более общее понятие **непрямой эвиденциальности** (косвенная засвидетельствованность). Эвиденциальность — грамматическая категория, которая маркирует источник информации, лежащий в основе высказывания [Aikhenvald 2018: 1]. Понятие эвиденциальности как грамматической категории относительно ново для лингвистической типологии, интерес к нему особенно возрос в последние 20 лет, что доказывает актуальность настоящего исследования. На рисунке 1 показано число публикаций с ключевым словом “evidentiality” за период с 1850 по 1949 год и отдельно для каждого десятилетия после 1950 года.

Рис. 1: Число публикаций, поиск по ключевому слову “evidentiality”



За первый период в сто лет было опубликовано всего 11 работ, и ни одна из них не связана с эвиденциальностью как лингвистическим явлением. Это неудивительно, поскольку термин “эвиденциальность” был введен Р. Якобсоном в 1957 году. В период 1980–1989 количество публикаций начинает быстро увеличиваться (+307) , что, возможно, связано с публикацией в 1986 году широко цитируемого сборника *Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology* [Chafe and Nichols 1986]. В течение следующего десятилетия это число увеличивается втрое (+941). На момент поискового запроса (апрель 2019) в период с 2010 по 2019 год вышло 11.300 публикаций, и это число, без сомнений, с тех пор еще увеличилось.

С годами накопилась обширная литература, описывающая категорию эвиденциальности в разных языках. Данные этих исследований показали, что у языков, распространенных на географически смежных территориях, встречаются

похожие системы маркирования эвиденциальности. В работе [Plungian 2010] выделяется по крайней мере пять “эвиденциальных ареалов”. Область распространения нахско-дагестанских языков находится в центре одного из этих ареалов, охватывающего территории балканского региона в Восточной Европе, Кавказа, Центральной Азии, Поволжья, Сибири и Восточной Азии и иногда называющегося “эвиденциальным поясом Старого света”. Как отмечено в [Chirikba 2003], “There is a tendency in the Balkans, Caucasus and Central Asia to hold the Turkic languages responsible for the development of the evidential category.” Тюркская система маркирования эвиденциальности в той или иной степени присутствует во всех языках этой семьи [Johanson 2018], ее можно наблюдать и в древнейших письменных источниках [Erdal 2004]. Кроме того, носители тюркских языков почти равномерно расселились по всему ареалу.

Эвиденциальные системы языков евразийского пояса сравнительно малы, см. [Aikhenvald 2004]. Чаще всего они маркируют противопоставление засвидетельствованных и незасвидетельствованных событий. Основой таких систем являются “перфектоидные” формы, подобные багвалинскому Перфекту. Термин “перфектоид” был введен В. А. Плунгяном в работе [Plungian 2016] для описания результативных и подобных перфекту форм, встречающихся в языках вышеупомянутого ареала. Эти формы имеют определенное сходство с прототипическими перфектами, но текущая релевантность не является их основным свойством. Поскольку термин “перфект” часто отождествляется именно с семантикой текущей релевантности, “перфектоид” кажется подходящим термином для описания форм, которые до некоторой степени похожи на перфекты, но все же значительно от них отличаются.

Еще одна особенность перфектоидной эвиденциальности состоит в том, что многие авторы вообще не используют для ее описания термин “эвиденциальность”. Были предложены различные термины, такие как “индирективъ”, “медиатив” и “неконфирматив”. С точки зрения этих авторов, хотя перфектоидные формы часто употребляются в ситуациях, где говорящий не видел описываемое событие лично, их основное значение — более абстрактная категория, которая маркирует отдаленность говорящего от события или его неуверенность в достоверности передаваемой информации. Эти общие описания включают в себя еще две категории: миративность, маркирующую новую или неожиданную информацию, и эпистемическую модальность, которая используется для выражения степени достоверности. Обе они встречаются в языках мира в качестве самостоятельных категорий, но часто сопровождают семантику косвенной засвидетельствованности. Некоторые исследователи различают эти категории, считая их расширением эвиденциальной семантики [Aikhenvald 2004].

Судя по описаниям разных языков, этой функциональной полисемии свойственно довольно сильное варьирование: в одном языке эвиденциальный перфектоид может передавать значение эпистемической модальности, а в другом похожие формы будут соответствовать семантике эвиденциальности. В некоторых описаниях разные подходы противоречат друг другу.

Цель настоящего исследования — определить статус значения косвенной засвидетельствованности для перфектоидных форм в нахско-дагестанских языках. Кроме того, оценивается вероятность того, что этот признак появился в рассматриваемых языках под влиянием контакта с местными тюркскими языками. Эта цель подразумевает решение трех задач:

- Сравнительный анализ формальных признаков нахско-дагестанских перфектоидов, а также генетического и ареального распределения этих признаков в языках семьи.
- Сравнительный анализ материала нахско-дагестанских языков с формами, представленными в местных тюркских языках.
- Сравнительный анализ употребления перфектоидов в разных языках.

Первые две задачи требуют разработки формальных критериев для выявления и классификации перфектоидов, что сделает возможным сравнение и анализ таких форм в нахско-дагестанских языках. Для решения третьей задачи мы предлагаем провести сравнительный анализ употребления перфектоидов и других временных форм в **нарративных цепочках**. Нарративные цепочки состоят хотя бы из двух (финитных) клауз [Paducheva 2010] и описывают последовательные события. При этом линейный порядок клауз отражает хронологическую последовательность событий. В таких контекстах может использоваться определенный набор форм [Labov and Waletzky 1967], и прототипический перфект из него исключается по определению [Lindstedt 2000]. Ожидается, что в языках, где эвиденциальности свойственна более высокая степень грамматикализации, эвиденциальные формы чаще используются в пересказах незасвидетельствованных событий. Как отмечено в работе [Forker 2018], эвиденциальные перфектоиды в нахско-дагестанских языках ранее не были систематически изучены, и настоящая диссертация является первой попыткой в этой области, что определяет ее теоретическую значимость.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Перфектоподобные формы (перфектоиды) обнаруживаются во всех современных нахско-дагестанских языках, причем они могут выражать не (только) семантику косвенной засвидетельствованности, но (и) семантику текущей релевантности; на их основе могут также возникать новые результативные конструкции.

- Показано, что выраженность действующего субъекта является фактором, различающим собственно результативное значение и значение результативного перфекта.

- Значение косвенной засвидетельствованности как часть семантики перфектоида отсутствует в языках, находящихся на юге региона, где сильно влияние азербайджанский язык, в котором этот признак (в отличие от многих других современных тюркских языков) представлен слабо, а признак наоборот присутствует во многих языках северного и центрального Дагестана, где кумыкский язык, в котором признак представлен, исторически использовался как лингва франка; это указывает на то, что присутствие эвиденциальности в нахско-дагестанских языках может коррелировать с контактами с тюркскими языками, хотя наблюдаемая изоглосса требует дальнейшего изучения.

- Употребление перфектоидов в качестве нарративного заглазного времени оказывается для нахско-дагестанских языков важным диагностическим контекстом для определения наличия и степени грамматикализации эвиденциального значения.

Практическая значимость работы состоит в возможности дальнейшего применения использованных дескриптивных и аналитических методов. Обзор во второй главе может послужить отправной точкой для более подробных и типологически обоснованных описаний подобных глагольных форм в нахско-дагестанских идиомах. Кроме того, проведенная систематизация может оказаться полезной при создании материалов для обучения языкам. Разработанный в третьей главе метод анализа нарративов может применяться для исследований других языковых семей. **Материалом для исследования** послужили грамматические справочники, очерки и отдельные статьи, а также собранные автором полевые данные и опубликованные в грамматиках тексты. Полевая работа проводилась в основном с носителями андийских диалектов, и вследствие этого в исследовании много внимания уделяется примерам из андийского языка и его лингвистическим

характеристикам. Результаты работы прошли апробацию на разных международных конференциях, в том числе:

- Tense, Aspect, Modality and Evidentiality (17-18 ноября 2016, Diderot University Париж)
  Доклад: Evidentiality and other usages of the perfect in Avar and Andi (Nakh-Daghestanian)

- Международная научная конференция «Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы» (16-17 Матра 2017, Сыктывкар) **Доклад:** Эвиденциальность и перфект в рутульском языке (на материале говора с. Кина)

- 50-я ежегодная конференция Европейского лингвистического общества (SLE 2017) (10-13 сентября 2017 Цюрих) **Доклад:** Evidentiality and the perfect in the Rikwani and Zilo dialects of Andi (East Caucasian)

- Четырнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (23-24 ноября 2017, Санкт-Петербург) **Доклад:** Evidentiality in the Rikwani dialect of Andi

- 16-я конференция международной ассоциации прагматики (IPrA) (9-14 июня 2019 Гонконг) **Доклад:** Narrative use: a measurable feature of evidentiality as a meaning of the perfect

Работа состоит из трех глав, введения и заключения. В следующем разделе кратко излагается содержание основных глав. Интерактивные версии карт, которые обсуждаются во второй главе, доступны на Github. Данные были визуализированы при помощи R/R Studio [R Core Team 2018] с использованием следующих пакетов: tidyverse для работы с данными [Wickham 2017], lingtypology для создания карт [Moroz 2017] и ggpubr для создания графиков [Kassambara 2018].

2 Глава 1

Первая глава посвящена теоретическим и типологическим подходам к изучению эвиденциальности в лингвистике. Центральной проблемой является определение этой категории. Александра Айхенвальд является известным сторонником точки зрения, согласно которой только грамматические показатели считаются маркерами эвиденциальности. Такой подход исключает другие способы

выражения эвиденциальной семантики, такие как лексические единицы (т.е. говорят, кажется) или эвиденциальные стратегии — формы, которые могут выражать эвиденциальную семантику в контексте, но это не является их главной функцией [Aikhenvald 2004], [Aikhenvald 2018]. В работе [Aikhenvald 2018] некоторые перфектоиды в языках, относящихся к обсуждавшемуся выше "эвиденциальному поясу", обозначены как эвиденциальные стратегии, хотя неясно, что отличает их от похожих случаев в других языках этого ареала, которым в этой классификации присваевается грамматическая категория эвиденциальности. Эвиденциальные перфектоиды обычно слабо грамматикализованы, но они в значительной мере отличаются от эвиденциальных стратегий, которые получают значение только в дискурсивном контексте, например, модальных глаголов в германских языках. Для разных языков можно выделить разные морфосинтаксические контексты, которые допускают или даже требуют эвиденциального прочтения. Таким образом, мы предлагаем различать четыре типа выражения эвиденциальности:

- Формы с инвариантным эвиденциальным значением + маркирование эвиденциальности обязательно (грамматическая эвиденциальность)
- Формы с инвариантным эвиденциальным значением + маркирование эвиденциальности факультативно (необязательные способы маркирования эвиденциальности, такие как некоторые частицы или клитики и лексические единицы)
- Формы, которые приобретают эвиденциальное значение в определенных морфосинтаксических контекстах
- Формы, которые приобретают эвиденциальное значение в определенных дискурсивных контекстах

В отличие от подхода Айхенвальд, большинство исследователей рассматривают эвиденциальность как семантико-функциональную зону, значения которой могут быть реализованы разными способами. Тем не менее сложность в различении функционально разных элементов ведет к недопониманию, неверному использованию терминологии и, как справедливо отмечает Айхенвальд, "обесценивает статус эвиденциальности в языках, в которых она является грамматической категорией, отличной от модальности, наклонения и времени" [Aikhenvald 2003: 19]. В первой главе также обсуждается то, как устроены значения в семантической зоне эвиденциальности. При типологическом подходе отправной точ-

кой являются конкретные формы: выделяются те значения, для выражения которых существует специальная морфема. Далее, если какая-либо форма выражает сразу несколько значений из выделенных, они группируются (так, термин “непрямая эвиденциальность” объединяет значения инферентива и репортатива). Эвиденциальность также может рассматриваться в качестве дейктического маркера, поскольку она описывает близость событий к дейктическому центру (обычно в этом качестве выступает говорящий). Эта идея была впервые высказана в работе [Jakobson 1957], однако никем не развивалась до недавнего времени [Bergqvist 2018]. Аналитическое преимущество дейктического подхода состоит в том, что он учитывает коммуникативный компонент эвиденциальности, а также перспективу адресата и другие факторы речевой ситуации.

Отдельный раздел первой главы посвящен малым эвиденциальным системам и типологии перфектных форм. В нем описывается, как результативы и перфекты развивают эвиденциальное и другие не связанные с текущей релевантностью значения через конвенциализацию речевых импликатур, которые в некоторой степени присутствуют во всех языках с результативами и перфектами. Одна из ключевых идей этого раздела — то, что первым появляется инферентивное значение. Далее может развиться значение репортатива, благодаря которому становится возможным нарративное использование.

3 Глава 2

Во второй главе рассматривается эвиденциальность в нахско-дагестанских языках, при этом особое внимание уделяется перфектоидам. В первом разделе дается краткая историческая и социолингвистическая справка о языках этой семьи, а также описание их грамматического строя. Отдельный раздел посвящен выражению эвиденциальности. В нахско-дагестанских языках существуют следующие способы маркирования эвиденциальности:

- Перфектоиды (косвенная засвидетельствованность)
- Простые прошедшие времена (прямая засвидетельствованность)
- Специальные вспомогательные глаголы (разное)
- Частицы (репортатив и инферентив)
- Реализованные в виде клитик лексические глаголы (репортатив и инферентив)

- Формы, выражающие пространственный и личный дейксис (разное)

В разделе о перфектоидах мы определяем их как формы, которые:

- Состоят из нефинитной глагольной формы со значением перфектива или прошедшего времени и вспомогательного глагола в настоящем времени, либо можно установить их диахроническую связь с такой структурой
- Выражают любое значение, типологически ассоциируемое с перфектом: результатив, текущая релевантность, косвенная засвидетельствованность

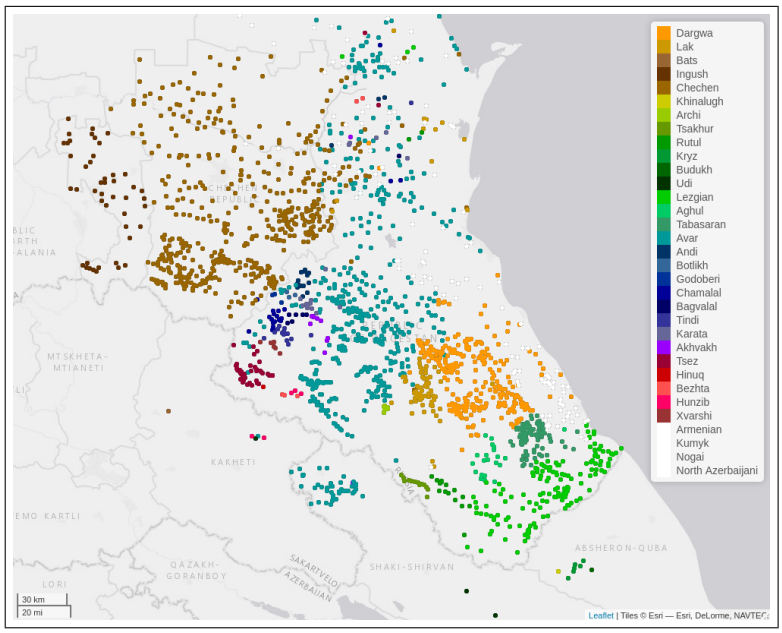
Суффиксальные формы неизвестного происхождения, которые удовлетворяют семантическому критерию, рассматривались отдельно. Они присутствуют только в удинском, закальском аварском и ахвахском (ахахдеинрский диалект). В данных представлено 59 перфектоидов и одна неполная форма с не совсем ясными свойствами (в бацбийском) из 42 исследованных идиомов, в том числе 29 языков и 13 диалектов. Большинство из этих форм состоят из конверба и вспомогательного глагола в настоящем времени (или исторически восходят к такому сочетанию). Причастные формы тоже присутствуют, но довольно редки. Значения результатива и текущей релевантности у таких форм свойственны всем языкам семьи, а косвенная засвидетельствованность отсутствует в случае некоторых лезгинских языков и хиналугского, распространенного в южной части региона.

Нахско-дагестанские перфектоиды восходят к результативным конструкциям, и многие формы сохранили результативную функцию. Результатив в узком смысле указывает на актуальное состояние как результат события в прошлом. Его важно отличать от результативного перфекта — значения из области текущей релевантности. Результативы — это моновалентные конструкции, которые обозначают состояние, охватывающее момент речи. Следовательно, их использование в основном сводится к непереходным глаголам изменения состояния. Результативные перфекты же обозначают не актуальное состояние, а результат. Кроме того, они сохраняют модель управления лексического глагола и допускают присутствие активного субъекта. После введения в результативную конструкцию активного (эргативного) субъекта она должна переосмыслиться как результативный перфект или показатель косвенной засвидетельствованности. Отличные от результативного перфекта значения текущей релевантности, например, экспериенциальный перфект и недавнее прошедшее время, используются крайне редко. Континуатив был замечен только в аварском языке, но это наблюдение требует перепроверки.

На эвиденциальное прочтение перфектодиов в разных языках влияют разные факторы. Основным из этих факторов является дискурсивный контекст: контекст рассказа о незасвидетельствованных событиях может повлиять на обычное результативное прочтение. Морфосинтаксические параметры включают следующее: лексическую семантику глагола — непредельным глаголам, в некоторых языках по умолчанию свойственна эвиденциальная интерпретация; аспект — в некоторых даргинских идиомах эвиденциальную семантику приобретают только перфектоиды, образованные от имперфективных глаголов; падежное маркирование — в лакском перфектоиды интерпретируются как эвиденциальные, если активный субъект стоит в эргативе (если же он стоит в абсолютиве, перфектоид приобретает значение текущей релевантности); присутствие активного/эргативного субъекта — в рикванском андийском введение эргативного субъекта в конструкцию с перфектоидом влечет эвиденциальное прочтение.

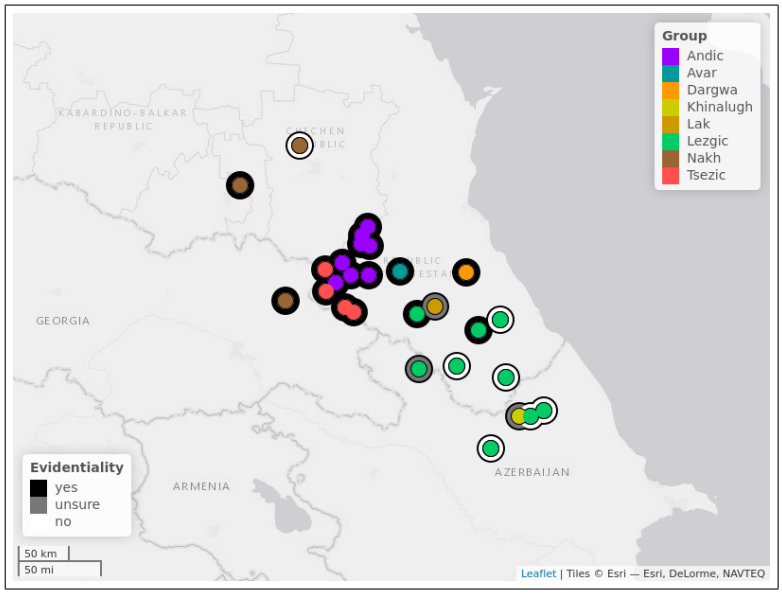
В языках, где перфектоидам свойственно значение косвенной засвидетельствованности, вспомогательный глагол в форме перфектоида часто используется для образования заглазных аналогов обычных прошедших времен. Сами перфектоиды сохраняют полисемию, однако формы с перфектоидными вспомогательными глаголами всегда несут только эвиденциальное значение.

Рис. 2: Географическое распределение нахско-дагестанских языков



Эвиденциальные системы в тюркских языках устроен похожим образом. Основные тюркские языки в регионе Восточного Кавказа — кумыкский (кипчакская группа) и азербайджанский (огузская группа). Также распространен ногайский (еще один язык кипчакской группы), но его влияние на нахско-дагестанские языки минимально. Кумыкский и азербайджанский оба используются в качестве лингва франка: кумыкский в северной и центральной части региона, а азербайджанский в южной, однако влияние последнего на южные нахско-дагестанские языки гораздо сильнее, чем первого — на северные. В эвиденциальных системах кумыкского и азербайджанского используются разные суффиксы (*-вап* в кумыкском, *-miš* в азербайджанском), но они схожи по структуре. Оба суффикса несут значения результатива/текущей релевантности. Значение косвенной засвидетельствованности представлено в кумыкском, но практически полностью утеряно в азербайджанском. Тем не менее, перифрастические формы с глаголом-связкой и суффиксами *-вап* / *-miš* выражают эвденциальное значение в обоих языках, подобно нахско-дагестанским формам с перфектоидными вспомогательными глаголами.

Рис. 3: Распределение эвиденциальных перфектоидов в нахско-дагестанских языках



Если значение косвенной засвидетельствованности развилось у нахско-дагестанских перфектоидов в результате контактов с местными тюркскими языками, это пред-

ставляет собой выборочное копирование по терминологии из работы [Johanson 2002], когда заимствуется определенное значение или функция схожей глагольной формы. Это подразумевает, что форма-донор (по крайней мере диахронически) должна представлять из себя перфектоид со значением результатива/текущей релевантности. Кумыкские и азербайджанские глагольные формы удовлетворяют этому требованию. Однако из-за недостатка диахронических языковых данных невозможно точно установить период, когда в рассматриваемых нахско-дагестанских языках появилось эвиденциальное использование этих форм, и, следовательно, связать это с социолингвистической ситуацией того времени. Судя по всему, в азербайджанском утеряны способы выражения эвиденциальности, и представляется любопытным, что они также отсутствуют в нескольких языках, которые находились в тесном контакте с азербайджанским. Важно отметить, что значение косвенной засвидетельствованности все же выражается в двух языках из зоны влияния азербайджанского: цахурском и агульском. С типологической точки зрения развитие эведенциальной семантики у форм, подобных перфекту, довольно естественно, и этому могут способствовать внутриязыковые процессы. Из-за отсутствия данных об использовании языка и языковых контактах в нахско-дагестанских языках тюркскую гипотезу сложно доказать, так как невозможно связать какую-либо дагестанскую форму с ее донором в кумыкском ни на основании формального сходства, ни по диахронической корреляции между появлением эвиденциального значения и языковыми контактами. Кроме того, из-за сложной ситуации с мультилингвизмом в регионе не стоит исключать сценарий, когда один или два нахско-дагестанских языка заимствуют это свойство из, например, кумыкского, а потом распространяют его по другим малым языкам. Согласно работе [Johanson 2006], тюркские языки на Кавказе влияли лишь на "латентные тенденции" в сторону эвиденциальности. В таком случае можно предположить, что влияние азербайджанского способствовало появлению значения текущей релевантности и при этом ограничивало развитие эвиденциальной семантики.

По крайней мере в случае нахско-дагестанских языков можно считать, что использование эвиденциальных перфектов в нарративах способствовало их распространению. Тюркские народности в Дагестане играли важную роль в распространению ислама и исламской литературы и культуры. Исламизация народов Восточного Кавказа продвигалась с юга на север. Как отмечено в [Adžiev 1991], эта тенденция отражается и в географическом распределении фольклорных мотивов. Известные северокавказские сказания о нартах хорошо закреплены в нахских языках, в некоторой мере — в языках, распространенных на северо-западе и в центре Дагестана, включая кумыкский, но отсутствуют в лезгинских и азер-

байджанском языках. Возможно, это связано с культурной и литературной конвергенцией в упомянутых регионах (север vs. юг). Кроме того, нарративное использование перфектов может рассматриваться как разновидность минимально контринтуитивного концепта (МКИ) — понятия когнитивной психологии, которое используется для описания распространения религиозных идей. МКИ-концепты соответствуют некоторым ожиданиям, которые они влекут за собой (что делает их интуитивными), но при этом нарушают другие ожидания (что делает их запоминающимися) [Boyer 1994]. МКИ, который часто приводится в качестве примера —ковер-самолет. Ковер-самолет похож на другие ковры за исключением способности к полету, которая противоречит его концептуализации как неодушевленного объекта, который не может передвигаться сам по себе. МКИ распространяются быстрее, чем интуитивные концепты с одной стороны и совершенно контринтуитивные — с другой, см., например, [Barrett and Nyhof 2001]. Если носитель языка с прототипическим перфектом сталкивается с эвиденциальным перфектом из другого языка, его ожидания оправдываются сохранившимися значениями результатива/текущей релевантности, но при этом эвиденциальное использование в нарративе контринтуитивно (т.к. оно противоречит семантике текущей релевантности), что способствует употреблению и распространению эведенциальных перфектов.

4 Глава 3

Третья глава посвящена использованию нарративов как ... На первом этапе исследования данные элицитировались у носителей рутульского, андийского и аварского языков. Результаты исследования обсуждаются в работе [Verhees 2018]. Однако во время элицитации данных по эвиденциальности на ответ носителя влияет множество факторов, которые трудно контролировать. Эвиденциальность сильно зависит от контекста, а носители языков, где эвиденциальность грамматикализована, как известно, не будут использовать эведенциальные формы, которые бы они использовали во время настоящих диалогов, в таких необычных условиях как опроса лингвиста [Aikhenvald 2004]. Другой проблемой могут стать отсутствие концентрации, которая не позволяет носителю в полной мере представить ситуационный контекст речевого акта и, как следствие, подобрать нужную форму. В результате элицитации исследователь может получить достаточно разнородный материал даже на материале одного носителя, что делает слабо доказуемым любое утверждение, основанное на таком опросе. К тому же этот метод не позволяет различать общепринятые значения — значение либо есть в сознания

носителя, либо нет. Единственный метод, который, видимо, дает более ли менее стабильные результаты, основан на коротких нарративах, которые рассказываются с разных точек зрения: на основе собственного опыта, высказываний человека известного носителю, в форме сказки и т. п.

На следующем этапе исследования были собраны две расширенные версии этих нарративов (один с контекстом засвидетельствованности, а другой с заглазным контекстом). Данные собирались от 13 носителей разного возраста и пола в разных андийских селениях: пять носителей рикванинского диалекта, шесть носителей зиловского диалекта, и по одному носителю из селений Рушуха и Муни. Мунинский диалект достаточно сильно отличается от остальных исследованных нами диалектов и именно в этом диалекте перфектные формы встречались значительно чаще в заглазном контексте. Однако также были зафиксированы другие стратегии, например, эвиденциально нейтральный аорист. Интересно, что даже те носители, которые плохо чувствовали эведенциальную семантику, использовали перфект в качестве заглазного времени в нарративе.

Анализ естественных неэлицитированных нарративов на багвалинском (андийская ветвь) и цахурском (лезгинская ветвь) показала различия в частотности перфектных форм в нарративах. Система эвиденциальности в багвалинском типична для нахско-дагестанских языков. Форма перфекта имеет значения результатива, текущей релевантности и косвенной засвидетельствованности [Tatevosov 2001]. Она противопоставлена менее маркированному более общему прошедшему времени (претерит). Описательное прошедшее время образуются при помощи глагола связки в форме претерита, а связка в перфектной форме образует их эведенциальные эквиваленты.

Таблица 1: Основные формы прошедшего времени глагола hec'i 'подниматься, вставать' в багвалинском языке, по [Майсак, Татевосов 2001: 394]

	Претерит hec'i	Перфект hec'i-b-o ek'ʷa
Плюсквамперфект	hec'i-b-o b-uk'a	hec'i-b-o b-uk'a-b-o ek'ʷa
Имперфект	hec'ira:χ b-uk'a	hec'ira:χ b-uk'a-b-o ek'ʷa
Хабитуалис-в-прошедшем	hec'iro:-b b-uk'a	hec'iro:-b b-uk'a-b-o ek'ʷa

В цахурском времена с связкой wo-d 'быть' в неатрибутивизированной форме (NAF) обозначает дистанцию говорящего по отношению к событию, что часто совпадает с заглазным контекстом, однако это не является основным значением

[Maisak and Tatevosov 2007]. Это совпадает с определением mediative по Лазард — тип абстрактной макро-категории, включающей все контекстуальные интерпретации заглазных форм [Lazard 1999]. Аналогичные формы с атрибутивизированной коппулой (AF) являются нейтральными. Однако опозиция атрибутивизированный/неатрибутивизированный является свойством всей глагольной парадикмы: эвиденциальнообразные значения свойственны формам с wo-d, т. е. формам перфекта, дуратива (настоящего времени) и проспектива (будущего времени).

Таблица 2: Перфект, Дуратив и Проспектив в цахурском языке по [Maisak and Tatevosov 2007]

	Неатр.	Атр.
Перфект	aqɨ wo-d	aqɨ wo-d-un
Дуратив	aqa wo-d	aqa wo-d-un
Проспектив	aqas-o-d	aqas-o-d-un

Далее мы рассмотрим данные, состоящие из устных текстов, которые были записаны во время полевой работы в 1990ые-2000ые, а потом затранискрибированы, аннотированы и опубликованы в работе [Kibrik et al. 2001] (багвалинский) и [Kibrik 1999] (цахурский). Эти данные содержат тексты, которые относятся к разным жанрам, записанные от разных носителей. Из всех текстов мы выбрали нарративы, состоящий по крайней мере из двух последовательных финитных клауз. Выбранные нарративы мы аннотировали, отмечая первое предложение из цепочкии и основную линию. Зависимые клаузы, в том числе большое количество конвербных и относительных клауз (мы использовали помету «dependent»), и косвенную речь (помета «quote») мы из рассмотрения исключали. Стратегии выражения косвенной речи в обоих языках в большинстве случаев прямая и создает встроенный контекст, где стандартные ограничения на использования временных форм в нарративе не применимы. Косвенная речь часто влечет за собой большую вариативность в использовании глагольных форм чем в основной линии, включая недекларативные формы, например, императивы. Мы использовали следующие метаданные текстов: носителя (анонимизированый при помощи кода), пол, тема текста, жанр (сказка, местная легенда, анекдот, личный анекдот, воспоминания и перспектива (прямая, косвенная, мечта, неясно). В таблице 3. можно видеть обобщение собранных данных:

Таблица 3: Содержание текстового материала

	багвалинский		цахурский	
	м	ж	м	ж
носители	7	2	6	1
тексты	18	6	11	1
предложения	406	60	317	16
глагольные формы	1220	149	864	41
цепочки	43	6	13	4
нарративные клаузы	225	27	199	10

Так как нарративные тексты имеют тенденцию к маленькой вариативности в использовании глагольных форм, а носитель выбирает определенную нарративную стратегию для отображения основной линии истории, мы ожидали маленькое число форм будет иметь высокую частотность. На рисунке 4 видно, что так и случилось. Мы видим длинный хвост разнообразных форм, которые были использованы лишь единожды — они встретились в косвенной речи. Если мы ограничимся лишь формами, встреченные в главной клаузе, то количество частотных форм уменьшится еще сильнее.

Рис. 4: Формы, используемые в багвалинских и цахурских нарративах

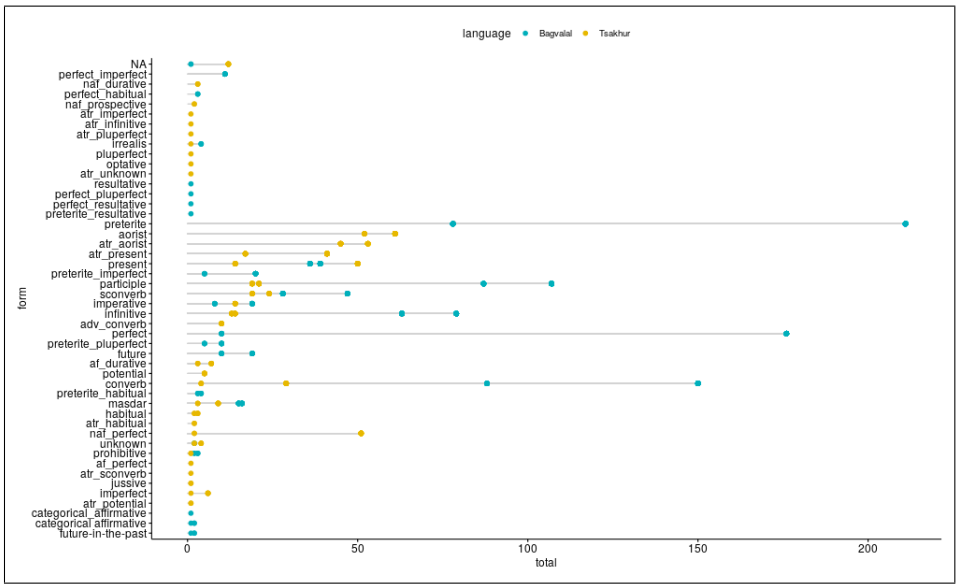


Таблица 4: Количество и доля используемых форм в нарративах

	багвалинский	%	цахурский	%
прошедшее	244	48	237	58
перфектоид	171	33	83	20
другие	97	19	89	22

В обоих языках частотность перфекта статистически значимо больше в косвенных контекста. В багвалинском в одном и том же контексте перфект частотнее чем общее прошедшее, а в цахурском общее прошедшее встречается чаще как в прямых, так и в косвенных контекстах. В багвалинском коэффициент кореляции между перспективой и используемой формой статистически значим, и ассимитрия между формами перфекта и претерита на него не влияет ($\chi 2 = 199.99$, df = 1, p-value < 2.2e-16). В цахурском тест $\chi 2$ также показал статистически значимое различие ($\chi 2 = 30.915$, df = 1, p-value = 2.696e-08). Это не согласуется с идей о том, что цахурский перфект «менее эвиденциальный», однако для дальнейшего подтверждения обнаруженных тенденций необходимо дополнительное исследование на материале большей выборки языков и текстов.

5 Литература

Adžiev, A. M. (1991). Vvedenie [introduction]. In G. Gamzatov and U. Dalgatov (Eds.), *Tradicionnyj fol'klor narodov Dagestana* [*The traditional folklore of the peoples of Daghestan*], pp. 5–18. Moscow: Nauka.

Aikhenvald, A. Y. (2003). Evidentiality in typological perspective. In A. Y. Aikhenvald and R. M. Dixon (Eds.), *Studies in Evidentiality*, pp. 1–32. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Aikhenvald, A. Y. (2004). *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.

Aikhenvald, A. Y. (2018). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.

Barrett, J. L. and M. A. Nyhof (2001). Spreading non-natural concepts: The role of intuitive conceptual structures in memory and transmission of cultural materials. *Journal of cognition and culture 1*(1), 69–100.

Bergqvist, H. (2018). Evidentiality as stance: event types and speaker roles. In A. Foolen, H. de Hoop, and G. Mulder (Eds.), *Evidence for evidentiality*, pp. 19–44. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Boyer, P. (1994). *The naturalness of religious ideas*. Oakland: University of California Press.

Chafe, W. L. and J. Nichols (1986). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood, NJ: Ablex.

Chirikba, V. (2003). Evidential category and evidential strategy in abkhaz. In A. Y. Aikhenvald and R. M. Dixon (Eds.), *Studies in Evidentiality*, pp. 243–290. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Comrie, B. (2000/1985). *Tense*. Cambridge: Cambridge university press.

Erdal, M. (2004). *A grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill.

Forker, D. (2018). Evidentiality in nakh-daghestanian languages. In A. Y. Aikhenvald (Ed.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, pp. 490–509. Oxford: Oxford University Press.

Jakobson, R. (1957). *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Cambridge, MA: Harvard University, Department of Slavic Languages and Literature. Reprinted in L. R. Waugh and M. Monville-Burston (Eds.) 1984. Russian and Slavic grammar studies 1931-1981. Berlin: Walter de Gruyter, 386-392.

Johanson, L. (2002). Contact-induced change in a code-copying framework. In M. C. Jones and E. Esch (Eds.), *Language change*, pp. 285–314. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

Johanson, L. (2006). On the roles of turkic in the caucasus area. In Y. Matras, A. McMahon, and N. Vincent (Eds.), *Linguistic areas. Convergence in historical and typological perspective*, pp. 160–181. New York: Palgrave MacMillan.

Johanson, L. (2018). Turkic indirectivity. In A. Y. Aikhenvald (Ed.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, pp. 510–524. Oxford: Oxford University Press.

Kassambara, A. (2018). *ggpubr: 'ggplot2' Based Publication Ready Plots*. R package version 0.2.

Kibrik, A. E. (1999). *Élementy caxurskogo jazyka v tipologičeskom osveščenii* [*Elements of Tsakhur grammar in a typological perspective*]. Moscow: Nasledie.

Kibrik, A. E., K. I. Kazenin, E. A. Ljutikova, and S. G. Tatevosov (2001). *Bagvalinskij jazyk. Grammatika, teksty, slovari* [*The Bagvalal language. Grammar, texts, dictionary*]. Moscow: Nasledie.

Labov, W. and J. Waletzky (1967). Narrative analysis: oral versions of personal experience. In J. Helm (Ed.), *Essays on the verbal and visual arts. Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society*, pp. 12–44. Seattle/Londen: University of Washington Press.

Lazard, G. (1999). Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? *Linguistic Typology* (3), 91–109.

Lindstedt, J. (2000). The perfect-aspectual, temporal and evidential. In ⍰. Dahl (Ed.), *Tense and aspect in the languages of Europe*, pp. 365–384. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

Maisak, T. and S. Tatevosov (2007). Beyond evidentiality and mirativity. evidence from tsakhur. In Z. Guentchéva and J. Landabaru (Eds.), *L'Énonciation médiatisée II*, pp. 377–406. Louvain/Paris/Dudley MA: Peeters.

Moroz, G. (2017). *lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology*.

Paducheva, E. V. (2010). *Semantičeskie issledovanija: semantika vremeni i vida v russkom jazyke; semantika narrativa, vtoroe izdanie* [*Semantic studies: the semantics of tense and aspect in Russian; the semantics of narrative, second edition*]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Plungian, V. (2010). Types of verbal evidentiality marking: an overview. In G. Diewald and E. Smirnova (Eds.), *Linguistic realization of evidentiality in European languages*, pp. 15–58. Berlin/New York: De Gruyter Mouton.

Plungian, V. (2016). K tipologii perfekta v jazykax mira. predislovije [towards a typology of the perfect in the world's languages: Introduction]. In T. Maisak, V. Plungian, and K. Semënova (Eds.), *Tipologija Perfekta* [*Typology of the perfect*], pp. 7–38. St. Petersburg: Nauka.

R Core Team (2018). *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing.

Tatevosov, S. (2001). From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in nakh-daghestanian languages. *Journal of Pragmatics 33*(3), 443–464.

Tatevosov, S. G. (2007). Évidencial'nost' i admirativ v bagvalinskov jazyke [evidentiality and admirative in bagvalal]. In V. S. Xrakovskij (Ed.), *Évidencial'nost' v jazykax Evropy i Azii: sbornik statej pamjati Natal'i Andreevny Kozincevoj* [*Evidentiality in the languages of Europe and Asia: papers in honor of Natalia Andreevna Kozintseva*], pp. 351–397. St.-Petersburg: Nauka.

Verhees, S. (2018). The perfect in avar and andi. cross-linguistic variation among two closely-related east caucasian languages. pp. 261–279.

Wickham, H. (2017). *tidyverse: Easily Install and Load the 'Tidyverse'*. R package version 1.2.1.